

Ивашки, Якушки и Петрушки...

Ольга Дмитриева

Имя, полученное простым смертным, имело значение для него и родителей; имя, выбранное правителю, вызывало серьёзный интерес у подданных. Королей, царей, раджей, султанов называли исходя из государственных соображений, и их имена содержали в себе некое зашифрованное послание о будущей политике, новых союзах и войнах.



▼ Фрагмент барельефа «Крещение Руси» на памятнике князю Владимиру, установленном в Киеве в 1853 году.

История имянаречения в России увлекательна, драматична, а одна из её особенностей — ведущаяся несколько столетий война имён. Она началась в X веке с христианизации

Руси. Крещение предполагало дарование христианского имени, а так как своих святых пока ещё не было, не имелось и русских имён, которые принимала бы христианская церковь. Началась борьба между языческими славянскими и каноническими

иноязычными греческими, римскими и древнееврейскими именами.

Спротивление было упорным, но победили христианские имена, и к середине XIX столетия на каждые двенадцать имён, произведённых от славянских корней, приходилось



▲ Имя Рюрик на фрагменте рунического камня, использованного в XII веке при строительстве церкви Норрсунда, Швеция. Надпись датируется между 725 и 1100 годами



▲ Ярослав Мудрый отбирает меч у Судислава в знак лишения княжеской власти. Радзивилловская летопись, XV век

не менее тысячи чужестранных. Сохранились в основном княжеские имена — Ярославы, Всеволоды, Мстиславы, Игори, Олеги и прочие, под которыми вошли в историю ранние Рюриковичи. После крещения Руси они носили два имени — крестильное и мирское, и нам известны под последним.

Домонгольский княжеский именослов был консервативен, ограничен, а имя предка, данное княжичу, выбиралось с учётом политических амбиций родителей. Оно указывало на место новорождённого в династии и обозначало его право на владения, которые в прошлом принадлежали тёзке-пращурю. При этом существовал строжайший запрет давать имя здравствующего отца или деда. Объяснение последнему крылось в сохранившемся с языческих времён чрезвычайно осторожном отношении к имени. В глубокой древности его скрывали



▲ Мстислав-Фёдор Владимирович Великий. «Царский титулярник», 1672 год

её остерегались. Избегали давать имена предков с несчастливой судьбой. Князь Судислав, брат Ярослава Мудрого, ещё в молодости попал в поруб (тюрьму), просидел там без малого 30 лет, и Рюриковичи, не желая подобной участи для детей, исключили Судислава из своего именослова. Имена дядей находились вне запретной зоны. Их давали, поручая княжича под покровительство этого родича или же недвусмысленно указывая тому, что новорождённый претендует на его удел. Угроза, крившаяся в имени, потом реализовывалась в многочисленных междоусобных войнах.

Существовал запрет давать имя здравствующего отца или деда

от врагов, чьи имена писали на пятках, дабы «попирать ногами», и использовали в самых разнообразных магических действиях.

Даже после крещения Руси имя воспринималось как некая материальная часть личности, и «отбирать»

По второму, а иногда и третьему имени можно было установить широту международных связей. Среди княжон встречались Малфриды

▼ Памятник князю Игорю в Новгороде-Северском, Украина (шар над головой князя изображает солнечное затмение 1 мая 1185 года, которое предшествовало его поражению в битве с половцами). Скульптор Анатолий Куш, 1990 год





— Иоанн Лествичник, мерная икона царевича Ивана, сына Ивана Грозного, написанная в год его рождения. 1554 год

и Ингеборги, великий князь Киевский Мстислав, имевший крестильное имя Фёдор, в скандинавских и немецких источниках фигурировал как Харальд, а Андрей Боголюбский имел второе тюркское имя Кытай, доставшееся ему от матери, половецкой княжны. Отдавая предпочтение языческим именам предков, Рюриковичи также надеялись на помощь своих небесных покровителей. Знаменитый князь Игорь/Георгий Святославич отправился в поход на половцев в 1183 году в день своих именин, на праздник Георгия Победоносца, а князь Рюрик/Василий Ростиславич

вернул себе Киев в 1203 году на память святого Василия Великого.

В конце XV — начале XVI века высокородных младенцев крестили уже под именами из византийского императорского именовслова — Дмитрий, Алексей, Иоанн, Евдокия, Феодосия, Елена, Ирина, Софья, которые постепенно проникли и в другие слои общества. А так как преемственность власти лучше всего передавалась при совпадении имени отца и имени сына, то поздние Рюриковичи нашли весьма изящный способ обозначить её, не нарушая запрет на имя живущего. Сына нарекали именем отца, но небесные

покровители были разными. Так, царь Иван Грозный был назван в честь Иоанна Предтечи, а его сын — в честь Иоанна Лествичника. Таким образом, хотя крестильные имена совпадали, носители их были тёзками и не тёзками. Иван было династическим именем, но грозный царь имел ещё одно имя — Тит, его отец Василий III именовался Гавриилом. Имели вторые имена и предыдущие правители. Двумённость оставалась, но была уже иной. Первое неофициальное крестильное имя давалось в честь святого, в день памяти которого человек появился на свет, другое, публичное имя, подбиралось в календарных окрестностях.

Языческие славянские имена сдавали позиции, но не исчезали. Известен дипломат — дьяк Волк/Иван Курицын, отправленный в 1492 году с посольством ко двору австрийского императора Максимилиана; Малюта Скуратов носил крестильное имя Григорий, а Богдан Хмельницкий — Зиновий. И всё же к XVII столетию славянские имена уже рассматривались как нечто незаконное или как прозвища, а напоминание о них осталось лишь в фамилиях.

К тому же XVII столетию окончательно сформировался этикет оформления прошений на имя государя. Повышение статуса великого князя

► Свадьба Ивана Грозного с Анастасией Романовной. Царственная книга, XVI век

Малюта Скуратов носил крестильное имя Григорий

до «правителя царского ранга» отразилось на написании имён адресантов. Уже при Иване III муромский наместник князь Хованский именовал себя как «колоп твой, Феодорец Хованской». Со временем в челобитных личное имя просителя, включая самых знатных, стало употребляться в уничижительно-пренебрежительной форме или, как это называлось в то время, в форме полуимени. Князья и бояре подписывались, как «Ивашки, Якушки и Петрушки», демонстрируя таким образом свою униженность и смирение перед волей государя. Отступление от этого правила воспринималось как

оскорбление. Царь Михаил Фёдорович, например, был крайне возмущён наглостью дьяка Марка Поздеева, который, «помимо прочих провинностей, своею гордостью, писался къ намъ въ отпискахъ целымъ именемъ, и о томъ къ нему отъ насъ писано с опаломъ».

Не стали исключением и имена иностранцев, переименованные на русский манер. Они писались



Томъ же бѣнъ въ
дѣ рѣшѣнъ и ѡбъясненъ въ
мѣстѣхъ оныхъ рѣшѣнъ. ѡбъясненъ
и писанъ. Навѣсѣлъ же на вѣсѣхъ
дѣ рѣшѣнъ и ѡбъясненъ
ѡбъясненъ

сррр

подчёркнуто уменьшительно и не зависели от статуса просителя. Любимец Петра I, генерал и адмирал Лефорт, в официальной челобитной к царю в марте 1698 года именует себя как «холоп твой Францка Яковлев сын Лефорт». Впоследствии Пётр отменит старую практику оформления прошений на царское имя, и подданным будет велено «писаться целыми именами съ прозваниями своими», а «холопа» заменит на «Вашего величества нижайший раб». Лишь в 1786 году слово «раб» будет заменено Екатериной II на «верноподданный».

Неродовитые Романовы, придя к власти, попытались передать связь с предыдущей династией через имя Анастасия. Так звали первую жену Ивана Грозного, благодаря родству с которой они получили престол. Её имя дали невесте царя Михаила Фёдоровича Марии Хлоповой, брак с которой не состоялся из-за придворной интриги. Не удалась попытка переименовать в Анастасию бабушку Петра I Евдокию Стрешневу, и более до конца XIX столетия Анастасии в царской семье не появлялись.

В XVI-XVII столетиях в России происходит настоящий расцвет многоимённости. Христиане могли иметь до четырёх имён — два христианских (крестильное и публичное) и ещё одно имя — прозвище, которое далеко не всегда льстило. Воеводу Долгорукова, например, звали Григорий Иванович Чёрт Долгоруков, его сына — Алексей Григорьевич Чертёнок Долгоруков, а предводитель Хованщины вошёл в историю как князь Иван Андреевич Тараруй (то есть балабол) Хованский. В случае принятия пострига добавлялось ещё и иноческое имя. Обязательным было лишь крестильное, но предпочитали зваться публичным. Иконописец Симон Ушаков, крещённый Пименом, представлялся следующим образом: «...писал своею рукою брэнною Пимен Фёдоров сын, по прозванию Симон Ушаков».

Романовы отказались от христианской двуимённости. Михаил

Фёдорович и его дети имели по одному имени, данному при крещении. Титушайший Алексей Михайлович отдавал предпочтение крестильным именам своих приближённых и в обращениях к ним придерживался следующих правил: в деловых посланиях именовал адресата публичным именем, а если речь касалась дел благочестия, то ставил крестильное. То же происходило, если приближённые оказывались в ситуации, угрожающей жизни. Когда сокольничие царя отправились в Персию к шаху Аббасу II в посольство, из которого могли не вернуться, они были обозначены в документах, как Парфеней, Доримент, Карион, Партимофей, Ромил

и Тимолай. Имена эти уже давно являлись реликтовыми и в миру никем, кроме царя, не употреблялись, но Алексей Михайлович, молясь за своих посланцев, пытался таким образом «подстраховать» их.

Два имени одного и того же человека начали конкурировать друг с другом в документах, и крестильное победил. Его стали употреблять в быту, даруя только одно имя младенцам. Но в анекдотах и рассказах продолжались упоминания о разных, связанных с двуимённостью курьёзах. Возможно, и в требовании голевского городничего дарить ему подарки и «на Антона, и на Онуфрия» имела определённая логика.



▶ Портрет семьи Петра I (он сам, Екатерина, старший сын Алексей Петрович от первой жены, младший сын Пётр и дочери Анна и Елизавета).

Григорий Мусикийский, эмалевая миниатюра, 1717 год



— Феодоровская икона Божией Матери. Первое упоминание иконы относится к XII веку

Пётр I имел одно имя, но почитал святого Исаакия Далматского, в день памяти которого он родился (имя этого святого носит знаменитый петербургский Исаакиевский собор). Царь не возражал также против двойных имён у детей своих приближённых, с удовольствием выступая в роли крёстного и даруя в качестве особой милости своё имя. Он стал крёстным Петра/Абрама Ганнибала, Петра/Луки, старшего сына Александра Меншикова, родившегося в 1709 году, и милостиво даровал парное имя младшему — Павлу/Самсону. Своим собственным детям от второй жены,

Екатерины Алексеевны, умершим в младенчестве, царь охотно давал те же самые парные имена.

Бурная Петровская эпоха внесла свои коррективы в имянаречение. Модернизация всех сфер жизни государства и общества привела

Пётр I имел одно имя, но почитал святого Исаакия Далматского

к тому, что «несовременные» имена были потеснены именами общеевропейскими и общехристианскими. Теперь они делились на благородные



— Исаакий Далматский. Музей Ростовского кремля, первая половина XVIII века

и простонародные, несли определённую социальную окраску, и у дворян резко изменились «именные» пристрастия. Пример подал сам царь-реформатор, дав своим дочерям имена, которые были конвертируемы в Европе, куда он намеревался выдать их замуж, — Анна, Елизавета, Екатерина, Маргарита (исключением стало милое для Петра имя Наталья, которое носили его мать и сестра, он дважды называл им своих дочерей). Царь намеревался преодолеть матримониальную изоляцию царской семьи, и это ему удалось. Романовы стали вступать

в браки с иностранными принцами и принцессами, и последние, перейдя в православие, принимали новые имена и отчества, среди которых лидировало Фёдоровна. Это имя Романовы особенно чтит из-за Феодоровской иконы Божией Матери, которой Михаила

Фёдоровича благословили на престол. Среди русских императриц были Екатерины, Елизаветы, Анны, Марии и Александры. Мода на эти имена

спространилась среди дворян, которые спешили сделать своих дочерей жемчужинами царствующих особ, и имён дворянок кардинально изменился, что можно проследить по двум документам — перечню девиц, привезших на смотрины к царю Алексею Михайловичу в 1669 году, и списку жён и статс-дам императорского двора. В первом — в основном Марфы, Аксиньи, Пелагеи, Прасковьи, Фимии, Дарьи, Агафьи и Матрёны. Во втором преобладают Екатерины, Анны, Елизаветы, Марии. Но безусловным лидером у дворянства было имя Екатерина, и это объяснялось культом Екатерины Великой, которая, в свою очередь, изменила династический родовый именовослов.

Императрица дала внукам не имеющимся ранее в нём имена. Старшего Александра Павловича, назвали в честь Александра Невского, но при этом подразумевалось и имя другого полководца — Александра Македонского. Имя второго внука, Константина Павловича, было связано с так называемым греческим проектом Екатерины I. Предполагалось отвоевать у турок Константинополь и сделать Константина Павловича новым византийским императором. Имя Ольга было выбрано Екатериной в честь как дань увлечения древнерусской историей и отсылка к образу княгини, провозвестницы христианства на Руси. Николай Павлович был, вероятно, назван с учётом сентиментальности имени, восходящего к греческим словам «победа» и «народ».

Следует отметить, что в царской семье к самой императрице относились без обожания и Екатерины после её смерти цесаревен не называли. Надолго исключили из своего именослова Романовы имена Иван, Пётр и Павел, которые носили три трагически погибших императора, а династический список старшей ветви сократился до Александра и Николая. Эти имена заняли почётное место в семьях аристократии высшего чиновничества, чутко прищипывающихся к малейшим коленам в «верхах».

С середины XIX века в династию вернулись имена отдалённых родовых предков. «Негативная» память об их трагической гибели



уходила в прошлое, и Романовы стали вновь называть детей Павлами, Петрами, Иоаннами. А после празднования 1000-летия Руси в антропонимический обиход вернулись казавшиеся архаичными имена Олег, Игорь, Ростислав, Вадим, Ксения и Ольга.

К началу XX столетия русский именовослов был устойчив, и новых потрясений не ожидалось. Но близился 1917 год, а вместе с ним кардинальное изменение всех сфер общественной жизни. Новая эпоха несла новые имена. ▼

▼ Великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна с сыновьями Александром и Константином. Корнелиус Хойер (?), 1780 год

